

Материалы Круглого стола
«Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»
(Магнитогорск, 14–15 ноября 2023 г.)

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2023), 202–210
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2023), 202–210
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-4-82-202–210

СЛАВЯНО-ТЮРКСКИЕ КОНТАКТЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ
ПРИУРАЛЬЕ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ:
ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР

И.Р. Атнагулов

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7453-0720

ВВЕДЕНИЕ

Этнические процессы, происходившие в восточной части Оренбургской губернии второй трети XVIII – конца XIX в., связаны с тесными контактами и взаимодействиями между славянами и тюрками. Результаты этих контактов повлияли на динамику этнической карты региона, которая отразилась в увеличении славянского компонента и возникновении новых этнических (этносословных, этноконфессиональных, этнолокальных) идентичностей как славянских, так и тюркских по языку¹. Появление данных феноменов явилось результатом славяно-тюркских контактов – политических, экономических и культурных. В исследуемом регионе не наблюдались случаи физической ассимиляции одних другими. Препятствием тому были всевозможные причины – различия в языке, религии или сословные барьеры. Отсутствие последних между казаками различного этнического происхождения (русские, татары, нагайбаки, тептяри, мешчеряки, башкиры и калмыки)

Данные об авторе. Атнагулов Ирек Равильевич – доктор исторических наук, заведующий центром этноистории ИИиА УрО РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по теме, включенной в государственное задание ИИиА УрО РАН на 2023 г. «Динамика и статика этничности в пространстве Северной Евразии» (код-шифр темы 0402-2019-0001).

¹ Атнагулов 2018, 41–47.

также не приводило к их смешению. Подтверждением тому являются материалы переписей населения 1897 и 1926 гг., где все эти группы были зафиксированы как отдельные народы. Результаты славяно-тюркских контактов просматриваются в изменениях комплексов хозяйственно-экономического уклада, материализованной и духовной культуры. Полученные нами в течение ряда полевых сезонов на юге Челябинской области результаты по изучению всех перечисленных параметров этнической культуры у населения степной зоны Юго-Восточного Приуралья свидетельствуют о сложении оригинальных локальных комплексов, сочетающих пришлые оседлоземледельческие и местные кочевническо-скотоводческие компоненты. В процессе исследования также привлекались документы из фондов Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) и Российского государственного исторического архива (РГИА): 1) «Рапорт коменданта крепости Магнитной майора Арбузова господину генералу от кавалерии, 23-й дивизии дивизионному начальнику и кавалеру князю Волконскому. 27 мая 1808 г.»²; 2) «Число земель, отведенных жителям 2-го Отдела Оренбургского казачьего войска (сентябрь-октябрь 1870 г.)»³; 3) «Доклад Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору о переходе киргиз к оседлости. 3 июля 1862 г.»⁴.

Методологической основой исследования является конструктивистский подход, наиболее продуктивный при изучении этничности в ее динамике. Данный метод позволяет рассмотреть механику изменчивости этничности, ее пластичности, а также генезиса новых идентичностей. В статье предлагается рассмотреть этнические процессы и их результаты в Юго-Восточном Приуралье с начала второй трети XVIII до конца XIX в. на примере формирования хозяйственно-культурных типов у народов славянской и тюркской групп.

1. ГЕОГРАФИЯ КОЛОНИЗАЦИИ

Современная этническая карта Юго-Восточного Приуралья начала формироваться с 1730-х гг. до 1840-х гг., когда происходила славянская колонизация региона. Русские казаки сначала селились в основном вдоль укрепленных линий по рекам Яик (Урал) и Уй, которые своими руслами образовывали примерно прямой угол, внутри которого находилась степь, заселенная казаками. Если с башкирами у русских к тому времени уже имелся двухсотлетний опыт контактов, то с казаками у многих из них знакомство происходило впервые. Начиная с 1840-х гг. оренбургские казаки начинают осваивать степь. В треугольнике, образованном реками Урал, Уй и Новой линией, проведенной между ними, на землях казахских кочевий было основано 32 казачьих поселка. Кроме военных задач, казаки занимались хозяйственным освоением новой территории.

С 1843 г. и до конца XIX в. на исследуемой территории сформировалась сетка русских, нагайбакских, татарских казачьих поселков и аулов с оседлым казахским населением. Русские и казаки жили повсеместно, нагайбакские поселки в количестве шести располагались компактно, в основном в бассейне р. Гумбейки, татарскими были расположенные вблизи поселки Варна и Редутово. Все населенные пункты были в основном моноэтническими, если не считать, что в нагайбакских и русских поселках небольшими группами проживали казаки-калмыки. Нагайбакские поселки находились в подчинении разных русских станиц. Несмотря на моноэтнический состав населенных пунктов, контакты между нагайбаками, татарами, русскими и казаками были неизбежны и, вероятно, носили регулярный характер. На это указывают сформировавшиеся у этих народов хозяйственно-экономические комплексы.

---

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2442/4. Л. 1.

³ ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8.

⁴ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65.

2. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РУССКИХ

Рассмотрим механизм генезиса хозяйственных комплексов народов Юго-Восточного Приуралья как один из параметров формирующихся новых идентичностей новолинейных казаков русских, татар и нагайбаков, а также прилинейных казахов. Одной из задач Оренбургского войскового начальства было обеспечение казаков хлебом. Везти его из внутренних земледельческих уездов было дорого и опасно. Во второй половине XVIII в. обозы с провиантом часто подвергались нападениям со стороны бунтующих башкир, а с продвижением границы в глубь степи в 1840-х гг. удаленность от земледельческих уездов стала еще больше. Поэтому развитие земледелия среди новолинейных казаков являлось одной из важнейших стратегических задач. С середины XIX в. началось постепенное земледельческое освоение целинных земель – летних пастбищ казахов Среднего и Младшего Жузов.

Хозяйственно-культурный тип русских относился к пашенному земледелию в сочетании с пастбищно-стойловым скотоводством оседлого населения внутренней Евразии. Хлебопашество у русских, как и у прочих оседлых народов Евразии, являлось главным обеспечивающим видом деятельности. Поэтому и в южноуральской степи земледелие и скотоводство составляли единственные отрасли сельского хозяйства Оренбургских казаков. Главной зерновой культурой была пшеница, которая также шла на продажу. Русские казаки занимались огородничеством, но исключительно для собственных нужд. Выращивали картофель, капусту, горох, огурцы, морковь, бахчевые и прочие культуры. В 1890 г. по трем казачьим отделам было собрано пшеницы яровой – 930325, овса – 440278, картофеля – 140146 пудов. В отличие от русского населения Западного Приуралья и Прикамья посевы ржи у казаков Юго-Восточного Зауралья были ничтожно малы. В 1890 г. ее было собрано всего 34498 пудов⁵. Связано это было, безусловно, с местными природными условиями. По той же причине сформировался состав стада, где преобладали лошади и мелкий рогатый скот. Новолинейный район почти полностью входил в состав II казачьего отдела. В 1890 г. здесь было зафиксировано всего 92979 голов лошадей, из них рабочих – только 54782. Крупного рогатого скота – 161110 голов и мелкого рогатого скота – 173144 голов, свиней – 2010 голов. У казаков II отдела показатели по количеству всех видов скота на душу населения превосходили I и III отделы, особенно по мелкому рогатому скоту. У казаков степной зоны, таким образом, произошла трансформация хозяйственного комплекса в сторону замещения ржи пшеницей, увеличения стада со значительной долей лошадей и мелкого рогатого скота. Адаптация в новых для казаков степных, аридных условиях Юго-Восточного Приуралья явилась причиной этих изменений.

3. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НАГАЙБАКОВ И ТАТАР

Вместе с русскими сюда переселялись и другие казаки-земледельцы – татары и нагайбаки. Последние, возникшие в 1736 г. как сословная группа крещеных татар Уфимской провинции, затем – Белебеевского уезда, обрели своеобразные этнические черты уже после переселения в степную часть Верхнеуральского уезда. Здесь крещеные татары-казаки, именуемые русской администрацией «казаками-нагайбаками», или «нагайбацкими казаками», оказались в окружении, с одной стороны, славян (русских казаков), с другой – тюрок (казахов). Обе группы, как известно, имели принципиальные отличия по языковым, культурно-религиозным, социальным и хозяйственно-экономическим параметрам. Нагайбаки, будучи тюркоязычными, оседлыми земледельцами с развитым животноводством, казаками и православными христианами⁶ имели общие черты как с теми, так и с другими.

⁵ Стариков 1891, 161.

⁶ Духовное состояние нагайбаков наблюдателями XVIII–XIX вв. отмечалось в ряде случаев как синкретическое, со множеством пережитков мусульманских и позднеродовых представлений.

Развитие хозяйственной системы казаков нагайбаков и татар хорошо иллюстрирует динамику хозяйственно-культурных типов Юго-Восточного Приуралья, поскольку они по ряду параметров занимали промежуточное положение между славянами и тюрками. Хозяйственно-культурный тип нагайбаков и татар относился к пашенным земледельцам степной и лесостепной полосы и входил в комплекс хозяйственно-культурных типов Евразии, основанных на производстве зерновых при обязательном сочетании с разведением мелкого и крупного рогатого скота. Животноводство имело как мясное, так и молочное направление, занимая по удельному весу порой не меньшую долю, чем пашенное земледелие. Основы хозяйственной культуры казаков нагайбаков и татар до 1843 г. складывались у их предков – татар Среднего Поволжья и Юго-Восточного Прикамья. В Юго-Восточном Приуралье нагайбаки и татары прибыли уже опытными земледельцами⁷. Несмотря на менее приспособленный для земледелия, по сравнению с Юго-Восточным Прикамьем, климат их хозяйство здесь продолжало сохранять земледельческую специализацию, но с местными особенностями. Новые природно-климатические и социальные условия повлияли на увеличение скотоводческого сегмента. Однако, в отличие от казахов, оно было пастбищно-стойловым, а в отличие от русского варианта пастбищно-стойлового скотоводства, у нагайбаков была больше численность поголовья с заметно большей долей мелкого рогатого скота. Таким образом, хозяйство нагайбаков после переселения в Юго-Восточное Приуралье представляло оригинальный комплекс, основанный на взаимовлиянии двух хозяйственно-культурных систем – оседлоземледельческой с развитым пашенным земледелием и степной скотоводческой с пастбищно-стойловым содержанием скота и лишь некоторыми элементами кочевого скотоводства⁸. Подобные перемены в жизни этноса – изменения экологических условий, модернизация хозяйственной системы – нередко приводят к смене идентичностей⁹.

В степном Приуралье земледельческие навыки нагайбаков и татар получили дальнейшее развитие. Здесь, в отличие от Среднего Поволжья и Прикамья, было много свободных степных черноземов. Например, в 1860–1870-х гг. у крестьян Среднего Поволжья на одну душу мужского пола приходилось от 4,8 до 2,4 десятин удобной земли, в то время как у казаков Верхнеуральского уезда пахотной земли на одну душу мужского пола было от 15,6 до 35,3 десятины¹⁰. При заселении Новолинейного района в 1843 г. на каждую казачью душу мужского пола полагалось 30 десятин земли¹¹. Казаки Оренбургского войска под посевы использовали только 9,4% всей площади принадлежащей им земли, что при трехпольной системе не допускало истощения почв¹², а у нагайбаков п. Остроленки в 1870 г. под сельскохозяйственные угодья было задействовано только 3,5% надельной земли¹³. Адаптировавшись в середине XIX в. в новых природно-климатических условиях, нагайбаки и татары в земледельческом хозяйстве выработали ряд инноваций. По хозяйственно-культурной типологии они, так же, как и русские Приуралья, относились к пашенным земледельцам степной и лесостепной полосы. В хозяйстве нагайбаков и татар, как и у других земледельческих народов региона, господствовали злаковые. В отличие от их предков – татар Прикамья, они сеяли не рожь, а пшеницу, а урожайность зерновых была выше, чем в Прикамье, поэтому к концу XIX в. она приобрела товарное значение.

Являясь пашенными земледельцами, нагайбаки и татары, как и большинство тюркских народов, сохраняли приверженность скотоводству, которое в их хозяйстве имело большой удельный вес. Несмотря на частые случаи конокрадства, они старались содержать как можно больше поголовья лошадей и другого скота. Этому способствовало оби-

⁷ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 54 об.

⁸ Атнагулов 2014, 318–323.

⁹ Холанд 2006, 88–90.

¹⁰ Рассчитано по: ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8.

¹¹ Бектеева 1902, 169.

¹² Халиков 1995, 20.

¹³ Рассчитано по: ГАОО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 8.

лие великолепных пастбищ¹⁴. Животноводство в хозяйстве нагайбаков и татар было вторым по степени значения. Как отмечалось, нагайбакско-татарское животноводство, так же, как и русское, было пастбищно-стойловым. В XIX в. скот у нагайбаков и татар весь день находился на карде, а вечером пригонялся во двор¹⁵. Животноводство нагайбаков и татар до 1843 г. складывалось в татарской среде Юго-Восточного Прикамья, а в условиях степного Приуралья в нем появились определенные особенности. У казаков нагайбаков и татар Верхнеуральского и Троицкого уездов животноводство в системе жизнеобеспечения народа иногда порой играло даже большую роль, чем земледелие.

Домашний скот и птица являлись источником белковой пищи и сырьем для кустарной промышленности и нужд домашнего хозяйства. Обязательным условием формирования боевого комплекта казака было наличие строевой лошади. Состав стада отвечал специфике оседлого хозяйства – заметное место в нем занимал крупный рогатый скот. Нагайбаки и татары, как и прочие тюркские народы, отличались особой приверженностью к овцеводству. На увеличение доли животноводства в хозяйстве нагайбаков и татар влияли также контакты с казаками. Породы домашнего скота у нагайбаков и татар были те же, что у соседних народов. Лошади были башкирской, киргизской или калмыцкой породы¹⁶. Их редко использовали в работе, держали почти все время в конюшне, кормили отборным овсом, смешанным с ржаной мукой, чистили ежедневно, купали не реже двух раз в неделю. Каждое лето проводились лагерные сборы, на которых устраивались скачки с джигитовкой. Крупный рогатый скот в Верхнеуральском уезде был, в основном, калмыцкой или киргизской породы мясного направления. Поскольку его держали не крестьяне, а казаки, то породу называли еще «линейной», так как владельцы подобного скота расселялись по сторожевой линии. Овцеводство базировалось на разведении двух основных пород мелкого рогатого скота – русской и башкирской. Первая отличалась небольшим живым весом – 1–1,8 пудов и выходом шерсти не более 1–1,5 кг в год. Вторая относилась к курдючным породам, которых отличает наличие курдюка – жирового отложения у хвоста весом до 4–10 кг¹⁷. Нагайбаки в мясном рационе отдавали предпочтение баранине, поэтому поголовье овец в их хозяйствах было несколько большим, чем у русских. Малоимущие казаки для получения молока, мяса и шерсти в небольших количествах разводили коз¹⁸. Нагайбаки если и разводили свиней, то немного. Несмотря на принадлежность к христианству, свинина не вошла в их обрядовую кухню.

Животноводство казаков нагайбаков и татар на рубеже XIX–XX вв. являлось развитым пастбищно-стойловым. В зимнее время скот содержался в хлеву, а отелившуюся корову и теленка в холодный период нагайбаки содержали дома. Там же совершали и доение. Элементом, связанным с кочевым скотоводством, являлся обычай отдавать собственный скот на длительный промежуток времени – с весны до осени – в стада живущих по соседству казахов, а молодняк и непродуктивный скот содержать у кочевников по договору круглый год. Особое внимание к лошадям у нагайбаков отмечалось многими наблюдателями в XIX в. В хозяйствах зажиточных казаков скот был породистый и всегда ухоженный. Подобное отношение к животным и к лошадям, в частности, принято связывать с глубокими кочевническо-скотоводческими традициями, характерными как для предков нагайбаков и татар, так и для всего тюркского населения региона¹⁹.

Повсеместной отраслью хозяйства было птицеводство. Почти каждая семья держала кур, гусей, несколько реже – уток и индеек. Выращивали птицу на продажу²⁰. У казаков нагайбаков и татар существовал обычай так называемой гусяной помощи (*каз эмэсе*).

¹⁴ Бектеева 1902, 169.

¹⁵ Бектеева 1902, 167.

¹⁶ Распопов 1884, 82.

¹⁷ Халиков 1995, 126.

¹⁸ Распопов 1884, 83.

¹⁹ Сперанский 1914, 16.

²⁰ ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 54 об.

Суть его в том, что в каждом хозяйстве в ноябре в течение нескольких дней происходил массовый забой птицы для запаса на зиму и продажу. Для помощи в ощипывании тушек в каждый дом приглашались женщины со всего поселка. После работы организовывали совместный ужин.

У нагайбаков в конце XIX в. стало развиваться огородничество, хотя по сравнению с русскими оно имело меньшее значение²¹. Нагайбаки Верхнеуральского уезда начали заниматься овощеводством раньше татар других уездов Оренбургской губернии. Уже в 1870-х гг. они предпочитали овощную продукцию, выращенную на собственных огородах²². Наиболее распространенными культурами были морковь, свекла, капуста, редька, лук, огурцы, репа. Картофель выращивали заметно меньше, чем татары волго-камского бассейна. Из бахчевых была известна тыква. Хозяйственная система нагайбаков и татар после переселения их из Юго-Восточного Прикамья и Западного Приуралья в Юго-Восточное Приуралье претерпела трансформацию. В земледелии, как и у русских, увеличилась доля пшеницы, а доля засеваемой ржи уменьшилась по сравнению с теми показателями, которые были у их предков – татар Прикамья. Были освоены новые агротехнические приемы. В животноводстве трансформации заключались в увеличении доли этой отрасли в целом, а также в составе стада, соответствующем местным условиям. В этом произошло некоторое сближение с казахами и даже регенерация некоторых кочевнических традиций в животноводстве и системе питания.

4. ДИНАМИКА ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАЗАХОВ

Казахи данного региона, как и весь этот народ, являлись классическими номадами. Казахское кочевание было меридиональным. В степной зоне Южного и Юго-Восточного Приуралья находились кочевья родов *табын*, *кипшак*, *керей*, *жагалбайлы* и *жаппас*. До русской колонизации постоянных населенных пунктов в этом регионе не было. Казахи в теплое время года кочевали вплоть до левого берега Урала²³, а с середины осени до середины весны степь была почти безлюдной²⁴. По правую сторону реки располагались земли башкир. Обычно и те, и другие предпочитали устраивать места своих зимовок (*кышлау*) подальше от этих рек, совершая время от времени регулярные набеги²⁵.

Хозяйственно-культурный тип кочевого меридионального скотоводства у казахов приуральской степи, начиная с середины XIX в. подвергся трансформированию. По плану авторов проекта строительства Новой линии казахское население должно было отселиться отсюда в глубь степи навсегда. Но после устранения военных конфликтов в этом регионе часть казахов не только не захотели покинуть эту территорию, но и основали в Новолинейном районе свои зимовья. Политика насильственного переселения казахов в глубь степи, за пределы Новой линии укреплений не смогла быть выполнена полностью, поскольку некоторые из них сами хотели жить на вновь образованных казахских землях. В создавшейся ситуации русская администрация не только не препятствовала, но и стала поощрять переход казахов на оседлость и приобщать к земледелию. «Согласно высочайше утвержденному положению комитета господ министров <...> от 10 августа 1861 г. за № 875 разрешено киргизам заводиться оседлостью и хлебопашеством»²⁶. В это же время был зафиксирован признак намечающегося социального отличия местных казахов от остальных – ослабление роли родовых связей, а самих здешних казахов называли «прилинейными»²⁷. Впоследствии эта группа казахов вошла в состав Российской Федерации и в настоящее время

²¹ Стариков 1891, 133; ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 8. Л.л. 96–97.

²² Халиков 1995, 115.

²³ Рычков 1762б, 136.

²⁴ Рычков 1762а, 136–139.

²⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 2442/4. Л. 1; Стариков 1891, 149–150.

²⁶ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65. Л. 91 об.

²⁷ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65. Л. 93 об.

обладает российской гражданской идентичностью²⁸. К началу XX в. вблизи от нагайбакских и русских поселков было зафиксировано несколько казахских аулов с оседлым населением – Арсламбаевский (Каракупа), Копал, Кужебай, Арзакул, Бесенбай (Беркут), Илень и Кинжебаевский (Байчунус)²⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русские, нагайбаки, татары и казахи за весь период их совместного проживания выработали хозяйственные комплексы, максимально приспособленные к условиям степи Юго-Восточного Приуралья. С одной стороны, это комплекс оседлых пашенных земледельцев степей и лесостепей Евразии, с другой – кочевое скотоводство. Для земледельцев характерно присутствие развитого животноводческого пастбищно-стойлового сектора. У русских, нагайбаков и татар состав стада был идентичен – крупный и мелкий рогатый скот, лошади. Различия усматривались в пропорциональном соотношении: у нагайбаков и татар по сравнению с русскими было больше поголовья овец и лошадей. У казахов состав стада составляли лошади и мелкий рогатый скот. Земледелие, особенно огородничество и садоводство, распространялось медленно. Если хлебопашеством русские и нагайбаки стали заниматься сразу после переселения сюда в 1840-е гг., то выращивание огородных культур стало распространяться только на рубеже XIX–XX вв., а у казахов еще позже.

Экономические контакты русских с казахами происходили при посредничестве нагайбаков. Нагайбаки исповедовали православное христианство и состояли в казачестве. По сравнению с казахами они имели больший опыт общения с русскими. Языкового барьера у нагайбаков-мужчин с русскими казахами не было. Казахский язык нагайбакам был также понятен. По всему комплексу этнокультурных признаков они занимали промежуточное положение между русскими и казахами, одинаково сближаясь с той и другой стороной. Это отразилось и на формировании особого хозяйственно-культурного комплекса нагайбаков, сочетающего восточноевропейские оседлоземледельческие черты и степные скотоводческие. Вместе с тем наблюдались трансформации хозяйственно-культурного комплекса русских как адаптация в аридных степных условиях, хозяйственного уклада казахов, находившихся под влиянием русских, татар и нагайбаков в сторону перехода на оседлость с последующим усвоением навыков земледелия. К началу XX в. хозяйственно-культурные типы русских, нагайбаков, татар и казахов Юго-Восточного Приуралья сформировались в оригинальные комплексы, сочетающие русские, татарские и казахские черты. Русские, татары и нагайбаки усвоили такой способ зимнего выпаса скота у кочевников, как тебеневка. Хозяйственно-культурное своеобразие русских казаков Новолинейного района, казаков-татар, нагайбаков и прилинейных казахов в конце XIX в. стало одной из главных маркирующих этих новых идентичностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Атнагулов, И.Р. 2014: Животноводческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века. *ПИФК* 2, 318–323.
- Атнагулов, И.Р. 2022: Славяне и тюрки Южного Зауралья: динамика идентичностей. В сб.: *Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной Году культурного наследия народов России и 300-летию РАН (Уфа, 29–30 сентября 2022 г.)*. Уфа, 34–40.
- Атнагулов, И.Р. 2018: *Этническая история нагайбаков в XVIII–XXI веках: становление и трансформация идентичностей*. Челябинск.

²⁸ Атнагулов 2022, 34–39.

²⁹ Плешков 1928, 40–42.

- Бектеева, Е.А. 1902: Нагайбаки. (Крещенные татары Оренбургской губернии). *Живая старина* II, 165–181.
- Плешков, А.М. 1928: *Список населенных пунктов Уральской области*. Т. XIII. *Троицкий округ*. Свердловск.
- Распопов, П.Н. 1884: *Оренбургская губерния в современном ее состоянии. Статистический очерк*. Оренбург.
- Рычков, П.И. 1762: *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. I–II. СПб.
- Сперанский, А. 1914: *Казанские татары (историко-этнографический очерк)*. Казань.
- Стариков, Ф.М. 1891: *Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты*. Оренбург.
- Халиков, Н.А. 1995: *Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.)*. Казань.
- Холанд, Г. 2006: *Экономические факторы в этнических процессах. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. М.

REFERENCES

- Atnagulov, I.R. 2014: Zhivotnovodchyeskoye khozyaystvo nagaybakov vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Stock raising of the Nagaybaks in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 318–323.
- Atnagulov, I.R. 2022: Slavyane i tyurki Yuzhnogo Zaural'ya: dinamika identichnostey [Slavs and Turks of the South Trans-Urals: the dynamics of identities]. In: *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy Godu kul'turnogo naslediya narodov Rossii i 300-letiyu RAN (Ufa, 29–30 sentyabrya 2022 g.)* Ethnos. Society. Civilization: IV Kuseev Readings. Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Year of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia and the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences (Ufa, September 29–30, 2022)] Ufa, 34–40.
- Atnagulov, I.R. 2018: *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII – XXI vyeках: stanovlyeniye i transformatsiya idyentichnostey* [Ethnic History of Nagaybaks in the 18th and 19th Centuries: Formation and Transformation of Identities]. Chelyabinsk.
- Bektyeyeva, Y.A. 1902: Nagaybaki. (Kryeshchyeny tatory Oryenburgskoy gubyrnii) [Nagaybaks. (Baptized Tatars of Orenburg province)]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity] II, 165–181.
- Pleshkov, A.M. 1928: *Spisok naselennykh punktov Ural'skoy oblasti*. Т. XIII. *Troitskiy okrug* [List of settlements in the Ural region. Vol. XIII. Troitsk District]. Sverdlovsk.
- Raspopov, P.N. 1884: *Orenburgskaya guberniya v sovremennom yeyo sostoyanii. Statisticheskii ocherk* [Orenburg Province in Its Present State. Statistical Essay]. Orenburg.
- Rychkov, P.I. 1762: *Topografiya Orenburgskaya, to yest': obstayatel'noye opisaniye Orenburgskoy gubernii, sochinonnoye kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym. Chast' I* [Orenburg Topography, that is: A Detailed Description of the Orenburg Province, Composed by a Collegiate Adviser and the Imperial Academy of Sciences, Correspondent Piotr Rychkov. Pts I–II]. Saint Petersburg.
- Speranskiy, A. 1914: *Kazanskiye tatory (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Kazan Tatars (Historical and Ethnographic Essay)]. Kazan.
- Starikov, F.M. 1891: *Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'yego voyska s prilozheniyem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamon i karty*

- [*Historical and Statistical Essay of the Orenburg Cossack Army with an Article about the Domestic of the Orenburg Cossacks, Drawings of Banners and Maps*]. Orenburg.
- Khalikov, N.A. 1995: *Khozyaystvo tatar Povolzhya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [*Economy of the Volga and Ural Tatars (Mid-19th to the Early 20th Centuries)*]. Kazan.
- Kholand, G. 2006: *Ekonomicheskiye faktory v etnicheskikh protsessakh. Etnicheskiye gruppy i sotsial'nyye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [*Economic Factors in Ethnic Processes. Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences*]. Moscow.

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-4-82-210-216

ЧУВАШИ В ЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГРЫ

В.В. Медведев¹, М.В. Попов²

¹ E-mail: vlad.etno@mail.ru   ² E-mail: maxim_popov@hotmail.com

¹ ORCID: 0000-0003-4789-7604   ² ORCID: 0000-0002-6923-4986

Вторая половина XX века для чувашей, как и для многих других народов, стала ключевой в истории их переселения, первоначально носившего характер временной трудовой миграции. Этот период стал началом продолжающегося процесса формирования данной этнической группы на Обь-Иртышском Севере, с территориальными границами в рамках ХМАО – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа. Открытие нефтяных месторождений, их разработка и организация нефтегазодобывающего производства на территории Ханты-Мансийского национального округа в 1960-х гг. может справедливо считаться отправной точкой в северном измерении чувашей, когда в этот процесс были вовлечены «широкие массы миграционно активного трудоспособного населения»¹.

Проблематика этничности в пространстве ХМАО – Югры, демонстрация и конструирование многообразия идентичностей – тема, требующая развития своего содержания и перспективная в парадигме антропологического исследования. Югра остаётся регионом, в котором соседство разных этнических групп является продолжающейся исторической практикой, поэтому исследования в контексте региональной истории необходимо осуществлять, обращая внимание и на историю конкретных этнических сообществ, т.е. объясняя предпосылки их переселения в округ, динамику численности, расселение, вопросы этнической культуры и самосознания. В данном контексте изучения проблематики этничности населения Югры ведутся исследования и получены определенные данные, требующие систематизации и анализа. Опубликованные к настоящему времени работы

Данные об авторах: Владислав Валентинович Медведев – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра этноистории ИИИА УрО РАН, доцент кафедры социально-гуманитарного образования СурГПУ; Максим Васильевич Попов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГТУ им. Г.И. Носова.

¹ Коровушкин 2009, 72.